

На правах рукописи

Яо Ван

**СИНЬЦЗЯН-УЙГУРСКИЙ АВТОНОМНЫЙ РАЙОН
И ПОЛИТИКА КНР В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ
МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Специальность 23.00.04 –
«Политические проблемы международных отношений,
глобального и регионального развития»

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва – 2015

Диссертация выполнена на кафедре сравнительной политологии факультета политологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Научный руководитель: **Капицын Владимир Михайлович,**
доктор политических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Карсанова Елена Созрикеевна,**
доктор политических наук,
профессор кафедры государственного
и муниципального управления
факультета управления
АНО ВО «Одинцовский
гуманитарный университет»

Китинов Баатр Учаевич,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры всеобщей истории
факультета гуманитарных и социальных наук
ФГАОУ ВО «Российский университет
дружбы народов»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки «**Институт Дальнего
Востока Российской академии наук**»

Защита состоится «15» декабря 2015 г. в 15 ч. 30 м. на заседании диссертационного совета Д 501.001.47 по политическим наукам на базе Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» по адресу: 119991, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, корпус «Шуваловский», факультет политологии, ауд. А-619.

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова по адресу: 199991, Москва, Ломоносовский просп., 27, Фундаментальная библиотека, сектор А, 8 этаж, кааб. 812, а также на сайте <http://istina.msu.ru/dissertations/10651593/>.

Автореферат разослан «___» _____ 2015 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета Д 501.001.47,
кандидат политических наук, доцент

С.В. Володенков

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена возникновением в условиях глобализации новых вызовов и угроз, которые приобретают особое значение для международной безопасности в целом и безопасности отдельных государств и регионов. Для Китайской Народной Республики (КНР) подобные вызовы возникают в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (далее – Синьцзян, СУАР). СУАР – один из пяти автономных районов, наиболее подверженных угрозам международного терроризма и религиозного экстремизма, которые связаны также с проявлениями уйгурского сепаратизма.

СУАР попадает в зону активного проявления вызовов национальной и международной безопасности. Этот западный район Китая, общей площадью 1,6649 млн. кв. км (1/6 часть всей территории КНР), занимающий срединное положение в Евразии, имеет протяженную сухопутную границу с Монголией, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Афганистаном, Пакистаном и Индией. С некоторыми из этих государств остаются неурегулированные территориальные споры, взаимоприемлемое решение которых могло бы способствовать международному сотрудничеству и развитию региона. Обстановка в СУАР зависит, как от комплексной мощи КНР, так и от напряженности ситуации в Центральной Азии (ЦА), развития отношений КНР – США, КНР – Россия, КНР – страны ЮВА, Россия – США, США – Иран, Индия – Пакистан.

Китай добился значительных экономических успехов. По оценкам МВФ, КНР выходила в 2014 г. на 1-е место по объему ВВП с учетом паритета покупательной способности, а в 2013 г. – на 1-е место в мировой торговле товарами¹. Растет объем инвестиций КНР за рубежом. Укрепляются ее вооруженные силы. Все это поднимает международный авторитет Китая, но вызывает неоднозначную реакцию США, Японии, стран Юго-Восточной Азии (ЮВА). 5 января 2012 г. Президент США Б. Обама, заявляя о «возвращении» США в Азию, особое внимание уделил присутствию США в АТР и ЦА, обосновывая это, в том числе, необходимостью помощи в разрешении территориальных споров между КНР и странами региона².

США и его союзники активно используют тему о положении с правами человека в КНР, в том числе, правами национальных и конфессиональных

¹ *Портяков В.Я.* К вопросу комплексной мощи Китая: подходы к оценке, структура, динамика, перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XIX. Институт Дальнего Востока РАН. М., 2014. С. 7.

² *Bumiller E., Shanker Th.* Obama Puts His Stamp on Strategy for a Leaner Military // New York Times. 2012. 5 January.

меньшинств. Официальная позиция руководства КНР заключается в том, что сфера внутренней политики государства не должна подвергаться вмешательству из-за рубежа, а права человека не могут ставиться выше государственного суверенитета. Политизация проблемы прав человека стала одним из эффективных средств подготовки «цветных» революций в разных странах. Это, с учетом вызовов сепаратизма и религиозного экстремизма в СУАР, создает серьезные вызовы национальной безопасности КНР, а, если исходить из геополитического положения региона, то и для международной безопасности в целом.

В то же время выгодное геополитическое положение и развитие СУАР создает благоприятные возможности для становления маршрутов «Экономического пояса Шелкового пути», соединяющего районы КНР, ЦА, России, Каспия, Кавказа, Турции, Ближнего Востока и Европы. Обладание природными богатствами СУАР также дает возможность для приграничной торговли, что способствует укреплению взаимопонимания и политической стабильности в данном регионе. СУАР может стать территорией эффективного транзита энергоресурсов, строительства современных путей сообщения, трубопроводов и других средств коммуникаций. Значительна роль района в сфере энергетической безопасности. СУАР может стать важным звеном международной интеграции, особенно в рамках ШОС, развитии связей КНР с СНГ, ОДКБ, ЕАЭС.

Как показывает история современных государств, в том числе КНР, успехи социально-экономических реформ, направленных на реализацию интересов человека, отдельных народов и территорий, сохранение национального единства и укрепление международных позиций государства, зависят от учета геополитического значения регионов и международной безопасности. Исследование политики Китая в СУАР с учетом международного контекста привлекает теоретический интерес, имеет важное практическое значение для безопасности КНР, России, ЦА, других государств.

Степень научной разработанности темы. Проблема СУАР в контексте современных вызовов международной безопасности затрагивалась в научной литературе, ее отдельные аспекты исследовались в трудах российских, китайских и других авторов. Наряду с трудами, посвященными непосредственно анализу вопросов международной безопасности, полезны общие работы о Китае ученых МГИМО, Дипломатической академии МИД России, Института Дальнего Востока РАН, Института Востоковедения РАН, ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, РУДН, Санкт-Петербургского государственного университета, вузов Читы, Барнаула, Красноярска, других центров. Усилиями специалистов в таких областях научного знания, как история, философия, социология, культурология, религиоведение,

правоведение, география, рассматривались исторические и социокультурные предпосылки развития современного Китая, философские истоки современной китайской геополитики¹, что помогает обогатить политический анализ значения СУАР в укреплении международной безопасности.

Следует выделить работы, посвященные теоретико-методологическому осмыслению понятий национальной и международной безопасности², в том числе, военной безопасности и безопасности границ³, безопасности транзитных политических режимов⁴, безопасности в этнической и конфессиональной

¹ *Бажанов Е.П.* Китай: от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. М., 2007; *Бергер Я.* КНР: политика, экономика, культура. 2010–2011. М.: ИД «Форум», 2011; Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Сб. науч. статей. Вып. XIX. М.: ИДВ РАН, 2014; *Борох О.* «Новая нормальность» с китайской спецификой // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3; История Китая с древнейших времен до начала XXI в. В 10 т. ИДВ РАН. Т. VII. М., 2013; *Китинов Б.У.* Концепт цивилизаций в обществоведческой науке // Вест. РУДН. Сер. Политология. 2011. № 1; *Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М.: АСТ, 2001; *Мельянцева В.А.* Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран / ИСАА МГУ. М.: Ключ-С, 2015; *Троцкий П.В.* Влияние доктрины «управление государством на основе закона» на правовую систему современного Китая // Актуальные проблемы развития КНР в процессе регионализации и глобализации: VII Международная научно-практическая конф. Чита: ЗабГУ, 2015.

² См.: *Буркин А.И., Возжеников А.В., Синеок Н.В.* Национальная безопасность России. М.: РАГС, 2008; *Кокошин А.А., Богатуров А.Д.* Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ. М., 2004; *Костин А.И., Изотов В.С.* Глобальный кризис в зеркале мировой политики // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2009. № 5; *Лукин А.Л.* Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 2; *Цыганков П.А.* Безопасность кооперативная или корпоративная // ПОЛИС. 2000. № 3; *Buzan B., Waever O.* Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

³ Границы безопасности и безопасность границ / Под ред. *В.Е. Хвощева*. Челябинск: ЮУрГУ, 2001; *Костюхин А.* Состояние военно-промышленного комплекса государств Центральной Азии и потенциал их военно-технического сотрудничества с зарубежными странами в 1990-е гг. // Зарубежное военное обозрение. 2009. № 8; *Сыроежкин К.Л.* Китай: военная безопасность. Алматы, 2008; *Титаренко М., Петровский В.* Россия, Китай и новый мировой порядок // Международная жизнь. 2015. Март; *Шумов В.В.* Пограничная безопасность как ценность и общественное благо. Математические модели. М.: Ленанд, 2015; *Fravel M.T.* Strong borders, secure nation: cooperation and conflict in China's territorial disputes. Princeton; Oxford, 2008.

⁴ *Казанцев А.А.* Сценарии и тенденции эволюции ситуации в Центральноазиатском регионе коллективной безопасности ОДКБ после 2014 г. М.: МГИМО, 2013; *Ло Бобо.* Постоянная перезагрузка Китая // Россия в глобальной политике. 2010. № 5. URL: <http://globalaffairs.ru> (дата обращения: 24.04.2015); *Садовничий В.А., Акаев А.А., Коротаев А.В., Малков С.Ю.* Моделирование и прогнозирование мировой динамики. М.: МГУ, 2012; *Цыганков П.А.* Политическая динамика. Теория и практика. М.: МГУ, 2014; *Шабров О.Ф.* Эффективность государственного управления в условиях постмодерна // Власть. 2010. № 5; *Malinova O.J.* Public discourse on the Perspective of Transition in Post-Soviet Russia: The Pluralism of Ideas in the Transforming Public Sphere // State, Society and Transforming Public Sphere / Ed. B.A. Mitchneck. Washington: Woodrow Wilson Center, 2011; *Hess St.* From the Arab Spring to the Chinese Winter: The Institutional sources of authoritarian vulnerability and resilience in Egypt, Tunisia, and China // International Political Science Review. 2013. Vol. 34. No 3.

сферах¹, информационной и сетевой безопасности². Важно в этом отношении изучение вызовов экстремизма и терроризма³, а также используемых в мировой политике технологий для дестабилизации политической ситуации⁴. Заслуживают внимания также работы о применении «мягкой силы», как в целях обеспечения стабильности, проведения национальной политики, сотрудничества государств, так и дестабилизации политических режимов и международных отношений⁵. Благодаря им, расширяется необходимая основа

¹ Карсанова Е.С. Этнополитические конфликты в многонациональных государствах. Компаративный анализ. Одинцово: Гуманитарный институт, 2010; Морозов Ю.В. Сравнительный анализ борьбы с проявлениями сепаратизма на российском Дальнем Востоке и в Китае // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 7(244); Перепелкин Л. Государственная национальная политика и проблема безопасности в этнической сфере // Конфликт – диалог – сотрудничество. 2000. № 2; Ракитянский Н.М. Исламский менталитет в геополитическом пространстве XXI в. // Власть. 2013. № 1; Naumkin V. Radical Islam in Central Asia: Between Pen and Riefler. Boulder, 2005; Smith A. Culture, Community and Territory: The Politics of Ethnicity and Nationalism // International Affairs. 1996. № 72 (3); Tishkov V. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and After the Soviet Union: The Mind Aflame. London: Sage Publications, 1997.

² Володенков С.В. Современная коммуникация как основа эффективной политической кампании // Вест. МГУ. Политические науки. Сер. 12. 2010. № 1; Володенков С.В. Технологии Интернет-коммуникации как фактор обеспечения информационной безопасности современного государства // Информационные войны. 2011. № 3; Ибрагимова Г. Стратегия КНР в области управления Интернетом и обеспечения информационной безопасности // Индекс безопасности. 2013. № 1(104). Том 19. С. 169–184.

³ См.: Лукин В.Н. Глобализация и международный терроризм. М.: Наука, 2006; Международный терроризм: борьба за геополитическое господство / Общ. ред. А.В. Возженикова. М.: РАГС, 2005; Морозов И.Л. Политический экстремизм в период глобализации // Мировые процессы, политические конфликты и безопасность. М.: РОССПЭН, 2007; Чжэн Жуньюй. Сотрудничество России и Китая в борьбе с международным терроризмом. М., 2008; Barber B.R. Fears Empire: War, Terrorism and Democracy. N.Y.; London: W.W. Norton, 2003; Pantucci R., Swarck E. Sources of Tension in Afghanistan and Pakistan: a Regional Perspective. Transition in Afghanistan: Filling the Security Vacuum – The Expansion of Uighur Extremism? Barcelona: Centre for International Affairs (CIDOB), 2014.

⁴ Галич А., Лушиников Д. Технологии цветных революций. М.: РИОР, 2010; Нарочницкая Н. Оранжевые сети. От Белграда до Бишкека. М., 2008; Хофбауер Х. «Этнизация» социальных конфликтов: как Запад использует концепт самоопределения наций для расширения своего влияния на Востоке // Россия и мир. Вестник дипломатической академии МИД России. 2014. № 2; Цветные революции. Теория и практика демонтажа современных политических режимов / О.Г. Карпович, А.В. Манойло. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015; Manoilo A.V. World Models and Technologies of Psychological Impact to Resolve International Conflicts // NB: Международные отношения. 2013. № 4; McFaul M. Transition from Postcommunism // Journal of Democracy. 2005. Vol. 16. No 3 и др.

⁵ Абрамов В.А., Абрамова Н.А. Ценностный потенциал китайского «могущественного культурного государства» в проекциях глобального развития. М: Восточная книга, 2014; Захарьин А.Б. Особенности религиозной политики КНР в XX в. // Вест. Моск. ун-та. Сер. 13. Востоковедение. 2015. № 1; Капицын В.М. Управление идентификациями как фактор международных отношений // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 2; Кутинцов Б.У. Китай: религиозно-духовный дискурс цивилизационного ресурса // Мир и политика. 2011. №

для рассмотрения геополитической роли отдельных регионов в обеспечении международной безопасности и национальной безопасности КНР.

Особую группу составляют исследования государственной политики в СУАР, ее предпосылок и последствий для укрепления региональной и национальной безопасности. Среди них необходимо назвать работы Е.А. Афанасьевой, Е.С. Баженовой, А.В. Бондаренко, Д.В. Дубровской, К.Л. Сыроежкина, Дж. Миллварда и др., где представлен значительный историографический и фактический материал о развитии Синьцзяна¹. В работе над диссертацией автор обращался к трудам о политических аспектах этничности и национальных отношений, национально-государственного строительства². Отдельные проблемы национальных отношений, в том числе, связанные с «уйгурским вопросом», вызовами сепаратистских движений в СУАР, разрабатывали В.Г. Булдакова, А.Д. Дикарев, Т.Н. Кучинская, П.С. Пшенцов, А.Н. Фартышев³.

10; *Кривох С.В.* «Мягкая сила» и публичная дипломатия в теории и внешнеполитической практике Китая // Вест. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. Востоковедение и африканистика. 2012. Вып. 3; *Лексютина Я.В., Радиков И.В.* «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2; *Сафонова Е.И., Морозов Ю.В.* Гуманитарное присутствие России и Китая в постсоветской Европе и центрально-азиатском сегменте ШОС // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5.

¹ См.: *Алимов Р.К.* Экономический коридор Шелкового пути: вызовы и выгоды // Вест. Таджикского национального ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2014. № 3/1(128); *Афанасьева Е.А.* Современный Синьцзян. Томск, 2007; *Баженова Е.С.* Синьцзян в авангарде развития западных районов КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 2; *Баженова Е.С.* Синьцзян и новые горизонты великого шелкового пути // Пространственная экономика. 2011. № 2; *Бондаренко А.В.* Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI в. М., 2010; *Дубровская Д.В.* Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в. М.: Институт востоковедения РАН, 1998; *Сыроежкин К.Л.* Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии. Алматы, 2006; *Rudelson J., Jankowjak W.* Acculturation and Resistance: Xinjiang Identities in Fluxes // *Starr S.F.* (Ed.) Xinjiang: China's Muslim Borderland. N.Y., L.: M.E. Sharpe, 2004; *Millward J.A.* Eurasian Crossroad. A History of Xinjiang N.Y.: Columbia University Press, 2007.

² *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках распространения национализма. М., 2001; *Василенко И.А.* Новый этап административной реформы в Китае // Государственная служба. 2011. № 4; *Егоров В.Г.* Постсоветское пространство как предмет научного осмысления // Обозреватель—Observer. 2011. № 9; *Зорин В.Ю.* Размышления о национально-культурной автономии // Жизнь национальностей. 2010. № 3; *Зорин В.Ю.* Этничность и власть // Свободная мысль. 2003. № 6; *Малахов В.С.* Национализм как политическая идеология. М., 2005; *Смит Э.* Национализм и модернизм. М., 2004; *Тишков В.А., Шабаетов Ю.П.* Этнополитология. Политические функции этничности. М.: Изд-во МГУ, 2013.

³ См.: *Булдакова В.Г.* Национальная политика КНР в отношении малочисленных народов // Россия и АТР. Владивосток, 2006. № 4; *Дикарев А.Д.* Демографические проблемы национальных меньшинств КНР. М., 1996; *Кучинская Т.Н.* Архитектоника социокультурного пространства Китая в условиях транснационального межкультурного взаимодействия: автореф. дисс... д-ра филос. наук. Чита, 2013; *Пшенцов П.С.* Проблема этнической обособленности в формировании национальной идентичности коренного населения на

Отмечаются исследователи из России¹, государств Центральной Азии², а также западные ученые³, которые изучают проблемы внешней политики Китая, России, США в регионах ЦА и Синьцзяна. Отдельно выделяются труды китайских ученых⁴. В специальной литературе важное место занимала разработка проблем интеграционных и дезинтеграционных процессов в Евразии (особенно в ЦА), значение политики КНР и России для международной интеграции⁵.

примере Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР // Вестн. Чувашского ун-та. 2007. Вып. 4; *Фартышев А.Н.* Региональная политика России и Китая в отношении своих внутриконтинентальных территорий: Сибирь и Синьцзян // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2013. № 2 (11). Ч. 1.

¹ *Ларин А.Г.* К оценке экономической деятельности Китая на постсоветском пространстве в свете российских интересов // Китай на постсоветском пространстве М.: РИСИ, 2012; *Петровский В.Е.* О перспективах трехстороннего договора «Китай – Россия – США» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. Т. 18; *Петровский В.Е.* Сравнительный анализ участия Китая и России в институтах глобального управления // Сравнительная политика. 2015. № 1; *Портяков В.Я.* К вопросу комплексной мощи Китая: подходы к оценке, структура, динамика, перспективы // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Вып. XIX. М., 2014; *Уянаев С.В.* Взаимодействие России, Индии и Китая в оценках академических кругов // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5.

² *Алимов Р.К.* К вопросу о формировании экономического пояса Шелкового пути // МИР – модернизация, инновация, развитие. 2013. № 4(16); *Каукенов А.С.* Ключевые характеристики внешнеполитической стратегии КНР на современном этапе // Вестник Казахского национального университета. 2009. № 3; *Сыроежкин К.Л.* Мифы и реальность этнического сепаратизма в Китае и безопасность в Центральной Азии. Алматы, 2003.

³ *Олкотт М.Б.* Второй шанс Центральной Азии. М.: Центр Карнеги, 2005; *Roberts J.A.G.* A History of China: Second Edition. N.Y., 2006; *Rumer B. (Ed.)* Central Asia. At the End of Transition. N.Y.: M.E. Sharpe, 2005; *Tier D.* The Waning Grand Strategy of Democratization: Why a Pivot to the Asia-Pacific Places the United States at Greater Risk of Terrorist Attack // Connections. 2014. Vol. XIII. No 2; *Shambo D.* China's future. N.Y.–L., 2011; *Garver J.* China's Influence in Central and South Asia: It is Increasing? // Power Shift: China and Asia's New Dynamic. Berkeley, CA, 2005.

⁴ *Ван Вэньхэн.* Национально-территориальная автономия Синьцзяна и социальная стабильность // Региональное развитие и региональная экономическая политика России и КНР. М., 2000; *Ван Хайянь.* Экономическое сотрудничество и развитие. Пять государств Центральной Азии и Китай. Урумчи, 2003; *Гао Шуцин.* Российско-китайские отношения в условиях глобализации. М., 2005; *Ли Лифань, Дин Шунь.* Геополитические интересы России, США и Китая в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. 2004. № 3; *Huasheng Zhao.* Central Asia in China's Diplomacy // *Rumer E., Trenin D., Huasheng Zhao (Ed.)*. Central Asia: Views from Washington, Moscow and Beijing. Armonk, N.Y., 2007; *Чэнь Яньци.* Русские: от иммигрантов до национального меньшинства Синьцзяна // Синьцзян дасюэ сюэбао. 2000. № 1.

⁵ *Баженова Е.С.* Синьцзян в авангарде развития западных районов КНР // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 2; *Ларин А.Г., Матвеев В.А.* Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «новый Шелковый путь» // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 5; Стратегия развития ШОС до 2025 г.: исходные реалии и фактор российско-китайского партнерства / Под ред. *С.Г. Лузянина, Е.И. Сафроновой.* М.: ИДВ РАН, 2015; *Чжао Хуашэн.* Центральная Азия и ШОС. М., 2005; *Чуфрин Г.И.* Очерки евразийской интеграции. М., 2013; *Swanstrom*

Вместе с тем, значительная часть исследований международных аспектов политики КНР в Синьцзяне проведена с учетом сложившихся к началу XXI в. международных отношений и недостаточно отражает новые факторы. В частности, ускоренный экономический рост КНР, влияние интеграционных объединений ШОС, БРИК (БРИКС), ЕАЭС, АСЕАН (АСЕАН+3) и повышение роли Китая в ряде из них, обострение отношений Россия – США, Россия – ЕС, в некоторой степени и КНР – США. Обозначились новые вызовы международной безопасности со стороны «трех сил зла» (сепаратизма, экстремизма, терроризма), в частности, усиление талибов и действия ИГИЛ и их ответвлений в Ираке, Сирии, Ливии, Нигерии, Мали; их влияние достигает ЦА и СУАР, оказывает определенное воздействие на геополитическую ситуацию в Восточной Азии.

Начало нового столетия и особенно 2010–2015 гг. ознаменовали геополитические сдвиги, в том числе в данном регионе, в связи с изменением мирового политического веса КНР, России, США, ЕС, их воздействия на политические процессы, экономическое сотрудничество и развитие международной интеграции. Все это способствовало накоплению фактического материала для обобщения, обуславливало появление проблем, требующих анализа возрастающего значения СУАР в контексте обеспечения национальной безопасности КНР и укрепления международной безопасности в целом.

Объект исследования – значение СУАР в обеспечении национальной безопасности КНР и международной безопасности.

Предмет исследования – политика КНР в СУАР как ответ на современные вызовы национальной и международной безопасности.

Цель исследования – выявление ресурсов внешней и внутренней политики КНР в Синьцзяне для нейтрализации современных вызовов и угроз национальной и международной безопасности.

Исходя из сформулированной цели, решаются следующие **задачи**:

- рассмотрение основных теоретико-методологических подходов к определению понятия международной безопасности в условиях глобализации, с учетом геополитического положения СУАР и роста влияния КНР в мировой политике как «ответственной державы»;

- выявление внешнеполитических ресурсов, создаваемых благодаря историческим особенностям, выгодному геополитическому положению Синьцзяна и способствующих обеспечению политической стабильности региона в целом;

- исследование экономической и социокультурной ситуации в СУАР, с точки зрения ее влияния на политическую динамику, предупреждение и

нейтрализацию угроз национальной и международной безопасности;

- анализ роли национальной политики КНР в борьбе с «тремя силами зла» в Синьцзяне и обеспечении национальной и международной безопасности;

- оценка значения Синьцзяна для «западного» направления внешней политики КНР, развития двухсторонних и многосторонних отношений Китая с Россией и государствами ЦА, евразийских интеграционных процессов в контексте современных вызовов международной безопасности.

Гипотеза диссертационного исследования. СУАР может рассматриваться отдельными внешними силами, стремящимися использовать этничность как ресурс радикализации, в качестве региона, где возможно обострение политической ситуации (в том числе, с помощью технологий «цветной» революции), приводящее к геополитической нестабильности. В то же время, СУАР и КНР в целом обладают необходимыми внутренними ресурсами (динамичное развитие экономики, взвешенная национальная политика, курс на выравнивание социально-экономического развития регионов, подготовленные кадры и др.) и опираются на внешние интеграционные ресурсы (ШОС, сотрудничество с Россией, Индией, Пакистаном, государствами ЦА), что позволяет использовать выгодное геополитическое положение региона для укрепления национальной и международной безопасности. Ресурсы СУАР важны для поддержания баланса влияния «западного», континентального (Россия, государства ЦА) и «восточного», приморского (государствами Тихого и Индийского океана) направлений внешней политики КНР, что отражается и в типах политической культуры Китая.

Теоретико-методологическая основа исследования. В работе использовались памятники политико-философской мысли Китая, в том числе труды Сунь-Цзы и других китайских мыслителей, геополитические концепции, теории неореализма, институционализма и конструктивизма, евразийские концепции, другие теоретические положения, сформулированные в трудах классиков и современных ученых, пишущих на китайском, русском и английском языках, по общим вопросам международных отношений, проблемам двухсторонних отношений КНР с Россией, США, странами ЦА, сотрудничества Китая в ШОС и других интеграционных объединениях.

Для последовательного рассмотрения особенностей развития СУАР и роли региона в системе международной безопасности были использованы системный, структурно-функциональный, исторический, компаративный методы, позволяющие выявить предпосылки вызовов национальной, региональной и международной безопасности, балансы и дисбалансы сил и угроз. Ценностный подход в сочетании с цивилизационным и институциональным помогает раскрывать органичные для КНР и других стран региона социокультурные ограничения и ресурсы в обеспечении национальной

и международной безопасности. Заимствовалась методика исследования политических документов, статистических и социологических данных, а также фактов, значение которых открывается благодаря личному наблюдению и жизненному опыту.

Эмпирическая база исследования представлена: а) актами международного права, международных организаций, законодательства КНР, официальными документами Коммунистической партии Китая (КПК), правительства КНР, отражающими общие принципы обеспечения международной безопасности и особенности внешней политики Китая, основные направления сотрудничества КНР на двусторонней и многосторонней основе; б) нормативными актами и политическими документами отдельных органов государственной власти и местного самоуправления, регулируемыми основные направления национально-государственного строительства в СУАР; в) выступлениями руководителей Китая, государств ЦА, а также России и США; г) материалами статистики и данными социологических исследований, публикациями СМИ. Особое место занимало изучение таких официальных документов КНР как Белые книги. Они основаны на солидном статистическом материале и посвящены отдельным сферам (оборона, культура, производство, права человека, партийная система, внешняя политика и международные отношения и т.д.), в том числе, истории и современному развитию СУАР.

Значительная часть эмпирических данных была получена из материалов государственной статистики КНР, России, государств ЦА, а также различных аналитических центров и СМИ. Использовались интернет-ресурсы КНР, в том числе СУАР, а также России и США. Также были проведены полевые исследования в СУАР, в ходе которых задействованы методики непосредственного наблюдения, интервью, дополняемые ивент-анализом (решения КПК и правительства по Синьцзяну, проводимые государственные мероприятия, конфликты и террористические акты в Синьцзяне и КНР в целом).

Научная новизна проведенного исследования заключается в комплексном анализе внешних и внутренних вызовов, факторов сохранения геополитической стабильности с учетом социально-политической ситуации в СУАР, влияния на последнюю ситуации в ЦА, других соседних государствах, взаимодействий КНР, России, США, международных интеграционных объединений, в том числе ШОС. Анализируются ресурсы СУАР, поддерживающие баланс влияний «суши» и «моря» во внешней и внутренней политике, взаимодействия континентальных государств Евразии и приморских государств ЮВА, Японии, разные типы политической культуры Китая.

В диссертации вырабатывается, исходя из теории международных отношений, системный подход, используемый для анализа роли отдельного

региона в обеспечении национальной и международной безопасности.

Научные положения, выносимые на защиту.

1. СУАР в силу своего геополитического положения и интереса к нему со стороны многих государств становится приоритетом государственной политики КНР. Региональное сообщество при его стагнации может порождать источники опасных вызовов. Но развитие СУАР создает ресурсы для нейтрализации вызовов международной безопасности и ослабления политической напряженности. Геополитическое положение СУАР таково, что его позитивное развитие во многом определяется переходом не только соседних развивающихся государств, но и ведущих государств мира, от противостояния к выстраиванию ориентиров последовательного международного сотрудничества, что диктуется необходимостью объединения усилий для ответа на вызовы международной безопасности.

2. Успешная государственная политика развития СУАР в контексте обеспечения национальной и международной безопасности строится с учетом его экономического отставания от наиболее развитых регионов КНР, многонационального состава населения, наличия в регионе этнических и конфессиональных групп, поддающихся влиянию идей радикального национализма. Ответ на такие вызовы предполагает направление не столько силовых, сколько экономических, культурных, информационных средств («мягкой» силы), в том числе, китайского языка и ценностей китайской культуры, на поддержание условий межконфессионального и межэтнического мира в регионе, где преобладают приверженцы ислама. Без этого невозможно противостоять попыткам некоторых сил втянуть население СУАР в конфликт с помощью технологий «цветных» революций. Вместе с тем, поддержание национальной и международной безопасности, устойчивое развитие СУАР и стран ЦА, когда реальны угрозы «трех сил зла» (терроризма, религиозного экстремизма и сепаратизма), наркотрафика, киберпреступности, требует поддерживать боеспособность и техническую оснащенность вооруженных сил и органов безопасности.

3. Идеино-политическим ответом на современные вызовы международной и национальной безопасности является выстраивание руководством КНР концепции «ответственной державы» как обогащение учения о «гармоничном мире». КНР позиционирует себя как государство, последовательно отстаивающее национальные интересы, но при этом оказывающее действенную экономическую помощь и политическую поддержку соседям, особенно государствам ЦА и ЮВА. Укрепление КНР и решение проблем СУАР строится не на основе создания военных блоков против кого-либо, а с помощью взаимовыгодных интеграционных объединений, двусторонних и многосторонних экономических партнерств по

всему миру, особенно в ЦА, а также культурного обмена.

4. Реализация концепции «ответственной державы» предполагает предупреждение образования дисбалансов сил на разных направлениях, в том числе, относительно влияния континентального и приморского направлений государственной политики КНР. Реальным наполнением концепции «ответственной державы» становится развитие СУАР как важного звена в выстраивании международного сотрудничества с состоятельными и стабильными континентальными (Казахстан, Россия) и континентально-прибрежными государствами (Индия, Иран). Это помогает выстраиванию противовесов давлению США и ее союзников на «востоке». Кроме того, способствует сдерживанию проникновения экстремистов из нестабильных регионов (Афганистан, Ирак, Пакистан, Таджикистан). В соответствии с концепцией «ответственной державы» государственная политика в СУАР становится одним из приоритетов в защите национальных интересов и поддержании международной безопасности.

5. Значение ресурсов СУАР в развитии отношений КНР с Россией, государствами ЦА, Индией и другими существенно повышается в условиях глобализации, когда интенсифицируется трансграничная миграция людей и движения капиталов, проявляются финансовые, энергетические, экологические вызовы международной безопасности. СУАР занимает выгодное транзитное положение, что способствует его включению в реализацию проекта «Экономический пояс нового Шелкового пути» с его сухопутными маршрутами, участием в развитии ШОС и БРИКС, ЕАЭС, кооперации субрегионов КНР, России, ЦА, приграничном сотрудничестве, в том числе путем создания совместных предприятий, технопарков, использования больших строительных мощностей СУАР. Это открывает широкие возможности взаимовыгодного развития сельского хозяйства, перерабатывающей промышленности, энергетики, транспорта, экологии, образования, науки, здравоохранения, а в результате ускоряет преодоление отставания депрессивных субрегионов, в том числе СУАР, снижает опасность политической дестабилизации.

6. Синьцзян – регион, способный серьезно повлиять на расширение и углубление двусторонних китайско-российских отношений. Его возможности не ограничиваются транзитом сырья и товаров и предоставлением территории для строительства путей сообщения и трубопроводов: в СУАР сосредоточены серьезные технические, кадровые ресурсы, строительные мощности, полезные для комплексной интеграции, модернизации путей сообщения в России; важнейшим направлением остается также углубление научных и культурных связей СУАР с российскими субрегионами.

Теоретическое значение исследования состоит в разработке

аналитической модели, учитывающей роль геополитически важного региона, граничащего с рядом континентальных государств, богатых природными ресурсами, транспортным потенциалом, для выстраивания политики его социокультурного и политического развития, обеспечивающего поддержание национальной и международной безопасности.

Практическая значимость. Материал и выводы диссертации могут быть использованы в подготовке спецкурсов «СУАР в евразийских интеграционных процессах», «Синьцзян и региональная безопасность», «Политика противодействия терроризму: опыт СУАР», «Центральная Азия и политика КНР в Синьцзяне» для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям подготовки «Политология», «Конфликтология», «Международная безопасность», «Международные отношения и мировая политика», «Политика и государственное управление». Материалы диссертации могут найти практическое применение при анализе международных отношений и мировой политики в государственных учреждениях, занимающихся внешними связями в КНР, России и государствах ЦА, Россотрудничестве, органах государственной власти субъектов РФ, автономных районов и провинций КНР, а также стать основой научных исследований по широкому кругу проблем международных отношений, особенно в ЦА и Восточной Азии.

Апробация исследования. Результаты исследования представлялись на международных научных конференциях: «Азиатский диалог: страны с переходной экономикой» (23.04.2007–24.04.2007, КНР, Хайнань); «Гуманитарные аспекты обеспечения стабильности и сотрудничества в регионе ШОС» (07.12.2011–08.12.2011, Москва); «Теория и практика гражданского образования в Китае и России» (29.07.2013, Москва); «Лоулань» (11.10.2013, КНР, Синьцзян); «Государственное строительство и развитие государственного управления» (15.03.2014, КНР, Чэнду); «Россия и Китай: общее историческое наследие и вызовы современности» (20.04.2015, Москва).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, 3 глав, объединяющих 8 параграфов, заключения, списка литературы, всего на 218 стр.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность избранной темы, анализируется степень научной разработанности проблемы в литературе, определяются объект и предмет, цель, задачи, методологическая основа исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость его результатов, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Международная безопасность и стратегическое значение Синьцзяна»** анализируются подходы к раскрытию сущности международной безопасности, факторы, определившие формирование концепции «ответственной державы», исторические и геополитические особенности СУАР, обусловившие вызовы и ресурсы безопасности, рассмотрены дискуссии о правах человека и демократии, их влияние на ситуацию в КНР и регионе.

В первом параграфе первой главы *«Международная безопасность и формирование концепции «ответственной державы»* особое внимание было уделено анализу подходов к проблемам международной безопасности. Выделяются послевоенные периоды внешней политики КНР, способствовавшие накоплению опыта и подводившие к постепенному выстраиванию новой внешней политики. Характеризуются современные вызовы международной безопасности. Это позволило автору обосновать значение концепции «ответственной державы», включающей признание стратегической роли СУАР.

Ученые отмечают возрастание значения системного подхода при рассмотрении международных отношений¹. Это создает возможность «объемного» видения международной безопасности. Современные вызовы и угрозы международной безопасности обусловлены переменными, которые невозможно проанализировать без учета взаимодействия внутренних и внешних факторов разных стран региона, а также великих держав. Показаны новые факторы, влияющие на исследование международной безопасности:

– усиление взаимозависимости внешней и внутренней политики: обеспечение международной безопасности зависит как от усилий государств в мировой политике, так и успехов их внутренней политики; без этого применение военной мощи может вызывать эффекты «бумеранга»;

– динамизация национального сознания по мере воспроизводства негативных образов государства в электронных СМИ и социальных сетях, в том числе, благодаря активности НПО, артикулирующих проблемы национальной политики, прав человека и национальных меньшинств, ведущих

¹ Цыганков П.А. Системный подход в теории международных отношений // Вест. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 5.

к запуску «цветных» революций, ослаблению суверенитета, угрозам национальной безопасности;

– переосмысление содержания понятия «международная безопасность», показывающее его многоаспектность: оно включает, как военные вызовы государству и его союзникам, так и финансово-экономические, экологические, миграционные, социокультурные, медийные, идентификационные вызовы; по-новому предстает взаимосвязь национальной и международной безопасности, безопасности человека, общества, государства и т.д.;

– расширение объема понятия «субъекты мировой политики»: таковыми наряду с государствами и межправительственными организациями становятся отдельные субрегионы, НПО, а также антиправительственные силы, иногда фундаменталистского характера, с которыми приходится вести переговоры, в том числе, на международном уровне (как с движением «Талибан»).

Такие изменения обязывают государства и международное сообщество формировать новые стратегии обеспечения безопасности. Усиливается востребованность политики интеграции сообществ и субрегионов в связи с ростом сепаратистских вызовов. Рассмотрение СУАР в контексте таких вызовов глобальной, региональной, национальной безопасности помогает понять концепцию КНР как «ответственной державы», истоки которой связаны с традиционными китайскими представлениями о «гармоничном мире», а также западными теориями о Евразии как «географической оси истории». Данная концепция формировалась в процессе осмысления опыта политических ошибок и успехов, выстраивания балансов, изменения целей руководства КНР.

После образования КНР в 1949 г. внешнеполитический курс страны во многом определялся отношениями СССР и США, состоянием социалистического лагеря, а позже отношениями в «треугольнике» КНР–СССР–США. В отношениях КНР – СССР выделяются периоды: дружба и союзничество (1949–конец 1960-х); конфронтация (конец 1960–1989); улучшение отношений (1989–1991). После развала СССР продолжилось поступательное улучшение китайско-российских отношений, принявших в 2000-х гг. характер стратегического партнерства. Подобным образом развивались также отношения КНР и государств ЦА. В отношениях США – КНР конфронтация (1949–1970) сменилась постепенным улучшением отношений (1970–1999) с их обострением после событий на площади Тяньаньмэнь (1989); затем некоторым снижением уровня сотрудничества (1999–2015) с корректировкой, страхующей от резкого ухудшения, как после бомбардировки посольства КНР в Белграде в 1999 г.

Все это влияло на политику КНР в СУАР. СССР до обострения двухсторонних отношений поддержал политику КПК в Синьцзяне («запад») и стал стратегическим «тылом» для КНР. Наоборот, с «востока и «юга» шли

вызовы и угрозы (война Севера и Юга в Корее; антиколониальная война во Вьетнаме; напряженность отношений КНР – Япония, КНР – Индия). В конце 1960-х гг. отношения СССР – КНР осложнились, что негативно сказалось на развитии СУАР. Улучшение отношений с Россией и ЦА в 1990-х гг. открывало новые возможности в развитии СУАР, помогало КНР предотвратить дестабилизацию политической системы, создать противовесы неблагоприятному развитию на приморском направлении (отношения с Японией и странами ЮВА).

В политике КНР с конца 1980-х гг., усиливается субъективный «стержень», заложенный Дэн Сяопином, что выразится в концепции «ответственной державы». В октябре 1997 г. Председатель КНР Цзянь Цзэминь неоднократно подчеркнул «международную ответственность КНР». В 2006 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао заявил, что «КНР стала ответственной страной». Во внутренней политике переходу к концепции «ответственной державы» предшествовали дискуссии о развитии экономики «запада» и «востока» КНР, ее континентальной и приморской культур.

Ускоренному развитию приморских провинций («востока») способствовала ориентация на технологии США, помощь хуацяо из стран ЮВА. Обозначилась значительная социальная дифференциация «запада» и «востока». Поворот государственной политики к «западу» (Синьцзяну) совпадал с политическим дискурсом, отразившим формирование полицентричного миропорядка. Ван Цзиси (Пекинский ун-т) выдвинул концепцию стратегического движения «на запад»¹, единства сухопутной и морской безопасности, создания инфраструктуры «нового Шелкового пути», что серьезно повышало значение СУАР. 7 сентября 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая в Казахстане, предложил объединить усилия в создании «Экономического пояса Шелкового пути» (сухопутных маршрутов). 14 июля 2014 г. перед 6-м саммитом БРИКС Си Цзиньпин заявил, что КНР как ответственная держава активно участвует в международных делах, продвигает улучшение глобального управления и представительство развивающихся стран в международных организациях, способствует взаимовыгодному сотрудничеству государств.

Во втором параграфе первой главы *«Исторические и геополитические особенности Синьцзяна»* рассмотрены географические аспекты, история государства и культуры региона. Уникальность континентального региона и населения, проживающего в нем, сложилась исторически, обусловив

¹ Стратегия «движения на запад» включала развитие СУАР. В частности, программа «Красное, черное, белое» предусматривала рост производства овощей («красное»: в СУАР выращивают много перца), добычи и переработки нефти и газа («черное»), производства хлопка («белое»).

геополитические особенности и вызовы, исходящие отсюда для Китая и других государств. Ни в одном государстве мира нет территории, которая бы, как СУАР, имела сухопутную границу сразу с 8-ю государствами. Восточная часть СУАР граничит с Монголией, северная – Россией, западная – Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, юго-западная – Афганистаном, Пакистаном, Индией. В Синьцзяне утвердилось тюркоязычное население, входившее в разные протогосударственные и государственные образования, принявшее со временем ислам, но воспринявшее также многие ценности китайской культуры. Синьцзян, создавая определенные вызовы Китаю, сыграл в то же время важную роль в становлении Великого шелкового пути, укреплении связей степных и горных народов с народом хань и великой культурой Китая.

В параграфе показано, как исторически складывалась особая роль данного региона в становлении границы и утверждении государственности Китая, поддержании равновесной значимости приморских и сухопутных регионов. Нередко возникновение вызовов на восточном (приморском) направлении компенсируется улучшением отношений Китая с государствами, граничащими с СУАР. В качестве составной части государства этот регион формировался под влиянием угроз с «востока» и «запада», сменяющих друг друга ориентаций империи на развитие континентальных или приморских регионов. Синьцзян сыграл роль фронта. Географические особенности (горы, степи, каменистые и песчаные пустыни) способствовали формированию западной границы государства. Геополитическое значение западных и центральных регионов возрастало, когда Китай ощущал угрозу для своих приморских территорий либо терпел там поражения.

Сегодня эти факторы используются в поддержании национальной и международной безопасности. Стабильное развитие СУАР, обладающего ценными природными ресурсами, развитой транзитной инфраструктурой у границ нескольких евразийских государств, является стратегическим фактором. С учетом этого в диссертации особое внимание уделено государственной политике развития СУАР в контексте отношений в ЦА, которая в силу своего геополитического положения представляет особый интерес для многих государств, в том числе, великих держав (Россия, КНР, Индия, США) и ЕС.

В третьем параграфе первой главы *«Дискуссии о правах человека и демократии и их влияние на ситуацию в Синьцзяне»* подвергнут анализу один из вызовов национальной безопасности – гуманитарно-правовой. Этот вызов исходит из проблемы нерешенности некоторых гуманитарных вопросов, что обусловлено историческими особенностями Китая, характером политической системы и уровнем социально-экономического развития самого многонаселенного государства в мире. Существует также расхождение между западными универсалистскими подходами к правам человека и историческим

пониманием отношений личности, коллектива и государства в Китае. Несмотря на возросшую внешнюю открытость, политика КНР в решении вопросов прав человека имеет вполне объяснимый уклон в сторону социальных прав при недостаточном внимании к политическим правам. Развитие рыночных отношений и сопутствующее усиление социальной дифференциации «запада» и «востока» в КНР, особенно после возвращения Гонконга и Макао, приводит к новым противоречиям и обостряет дискуссии о правах человека и демократии.

С этой точки зрения, часть общества в Китае, в том числе в СУАР, может оказаться восприимчивой к различным внесистемным идеям и концепциям. Дискуссии о правах человека и демократии могут в определенной ситуации стать стимулятором «цветной» революции, порождаемой, с одной стороны, недовольством социально-экономическим отставанием СУАР, а, с другой, усилением информационного и технологического влияния внешних сил, в том числе, через деятельность НПО. Относительно СУАР дискутируется, прежде всего, проблема прав уйгурского населения (наиболее многочисленного этноса Синьцзяна), официально относимого к национальным меньшинствам. При этом в дискуссиях показываются реальные проблемы уйгуров, например, получение образования на китайском языке, трудоустройство, элементы жилищной сегрегации в г. Урумчи и др. Во многом это объясняется недостаточным владением уйгурами китайским языком. Однако, часто западные агентства, уйгурские информационные центры не отражают последовательную работу государства по улучшению положения с правами человека в СУАР.

Проблема прав человека на протяжении длительного периода остается основанием для критики внутренней политики КНР со стороны США и других западных стран и используется в информационной войне, противодействующей растущему авторитету государства в международных отношениях и мировой политике. КНР пытается противостоять в информационной войне, публикуя отчеты и «Белые книги» о правах человека в стране и в СУАР, а также предавая гласности случаи нарушения прав человека в США и западных странах.

Вторая глава **«Политика КНР по использованию ресурсов Синьцзяна и нейтрализации угроз безопасности»** включает анализ экономической и социальной политики государства, национальной политики, проблем демографии и миграции, а также политики КНР в сфере борьбы с сепаратизмом, религиозным экстремизмом, международным терроризмом и транснациональной преступностью, а также противодействия проявлениям «цветных» революций.

В первом параграфе *«Государственная экономическая и социальная политика в СУАР»* дается анализ внутренней политики, исходя из сформулированного в диссертации подхода к понятию вызовов национальной и международной безопасности, связанных с социально-экономическим

развитием региона.

Для социально-экономического развития региона существуют объективные ограничения, в частности, природно-географические характеристики, которые в целом не зависят от воли и желания населения и политических субъектов: водные ресурсы, рудные и углеводородные ископаемые, рельеф, удаленность морских побережий, климат. Но субъективный фактор может ослабить влияние объективных ограничений. Субъективный фактор характеризуется, в частности, состоятельностью государства, выраженной в ответственности власти, эффективности государственной политики, отношении к региону со стороны центральной и местной властей, агентов экономических отношений, влияющих на выделение ресурсов для региона. Пример влияния субъективного фактора: в СУАР в XXI в., благодаря политике государства, через пустыню Такла-Макан с ее подвижными барханами впервые в мире проложены скоростные автомобильные дороги с орошаемым защитным озеленением на всем ее протяжении. В 2010 г. по решению 1-го Центрального рабочего совещания ЦК КПК и Госсовета КНР по развитию СУАР был достроен участок железной дороги Кашгар–Хотан, связавший 10 уездов и городов в оазисах вдоль пустыни; так создано новое звено Южно-Синьцзянской кольцевой железной дороги. В 2010 г. открыт аэропорт в Турфане.

К значительным стратегическим ресурсам Синьцзяна относятся нефть и газ. В XXI в. СУАР стал базой добычи углеводородов. На площади 950 тыс. кв. км выявлены перспективные месторождения нефти и газа (свыше 30 бассейнов), где запасы нефти превышают 2 млрд. тонн, а природного газа – 700 млрд. куб. м. Эти ресурсы составляют 20% нефтяных и 59% всех газовых запасов КНР. Но для доставки газа из СУАР в центральные и восточные районы необходимы газопроводы и дороги. Газ и нефть потребляются в основном в высокоэффективных отраслях (химическая промышленность, металлургия, энергетика). Потребности энергетики быстро росли, за исключением 2015 г., когда наблюдался экономический спад. С учетом планов индустриального развития КНР и экологии спрос на газ должен серьезно вырасти, что обуславливает необходимость трубопроводов для поставки углеводородов из ЦА и России, большая часть которых пройдет через СУАР. Здесь также сосредоточены 40% всех общегосударственных запасов угля высокого качества, 46% богатых железных руд, в том числе 40% запасов меди, свинца, олова, 90% запасов редкоземельных металлов, а также золото, серебро, платина¹. Оазисы в СУАР обладают благоприятными условиями для ведения сельского хозяйства.

¹ Политика Китая относительно полезных ископаемых: «Белая книга». URL: <http://russian.china.org.cn/russian/95884.htm> (дата обращения: 12.04.2014).

Синьцзян, граничащий с 8-ю государствами, становится мощным международным торгово-экономическим и логистическим узлом, чему способствует реализация проектов Экономического пояса Шелкового пути. СУАР может стать крупным центром туристического бизнеса, поскольку природные и исторические памятники, самобытная культура проживающих здесь народов привлекает туристов из КНР и зарубежных стран.

Проводится подключение ресурсов всех провинций для развития СУАР, предусматривающее, в том числе, создание институциональных условий для инвестиций частного капитала. Только за одну пятилетку (1999–2004 гг.) в рамках специальной стратегии в строительный комплекс Синьцзяна государство вложило 36 млрд. долл.¹ Благодаря новой политике инвестиции в социально-экономический сектор увеличились за счет частных инвесторов. В следующей пятилетке (2005–2010 гг.) инвестиции в разные отрасли в Синьцзяне удвоились. Такие же темпы сохранялись и в следующее пятилетие развития СУАР. На 1-м Центральном рабочем совещании по развитию СУАР премьер Вэнь Цзябао отметил, что с 2011 по 2015 гг. инвестиции в основные фонды Синьцзяна будут удвоены, по сравнению с 2005–2010 гг.², что, по экспертной оценке, эквивалентно примерно 2,6 трлн. юаней. ЦК КПК и Госсовет КНР приняли комплексные меры, чтобы к концу 2015 г. ВВП на душу населения в СУАР достиг среднего уровня по всей стране. Действует зона экономического развития с льготным налоговым режимом в Кашгаре, зона технико-экономического развития государственного уровня в Урумчи, зоны приграничного экономического сотрудничества государственного уровня в Инине, Тачэне, Болэ, зона высоких технологий «Шихецзы» и др.

Во втором параграфе второй главы диссертации *«Национальная политика в СУАР»* последовательно рассматривается развитие района как автономного национального образования в унитарном государстве. Развитие отраслей экономики СУАР находится в тесной корреляционной связи с национальной политикой и обеспечением национальной и международной безопасности.

Обобщение и систематизация материала о разработке в КНР теорий региональной (национальной) автономии и соответствующей политической практики помогает выделить тенденции развития национальной политики в СУАР. Во-первых, диссертант отмечает институциональную поддержку со стороны государства в сохранении основ национально-территориальной автономии. Недопустим отказ от системы национальных автономных территорий, как в пользу федерализма, так и, наоборот, усиления унитаризма.

¹ Афанасьева В.А. Синьцзян-Уйгурский автономный район во внутренней политике Китая 1991–2006 гг. Дисс. ... канд. истор. наук. Томск, 2007.

² Правительство КНР. Официальный сайт. URL: http://www.gov.cn/ldhd/2010-05/20/content_1610481.htm (дата обращения: 24.10.2014).

Имеющаяся институционализация создает оптимальные формы учета интересов национальных меньшинств, национальных интересов КНР и требований международной безопасности. Если отменить даже отдельные проявления автономии, это вызовет негативную эмоциональную реакцию со стороны населения СУАР, особенно его южной части. Для КНР дальнейшее существование этой системы остается важным условием политической стабильности.

Во-вторых, формы территориальных автономий открыты для совершенствования. Это предусмотрено в политических документах КПК и правительства, что позволяет, по мнению автора, ожидать роста одобрения национальной автономии со стороны титульного народа хань. В-третьих, одновременно с ростом признания особой национальной культуры следует ожидать укрепления общей культуры консенсуса со стороны национальных меньшинств СУАР, особенно уйгуров. Синьцзян стал родиной для миллионов ханьцев, которых особенно много в его северной части (Джунгарии); интересы которых также необходимо учитывать.

Наряду с национальной политикой в укреплении межнационального согласия значительное внимание уделяется демографической и миграционной политике. Семьи представителей национальных меньшинств и смешанные семьи в СУАР при рождении второго ребенка сохраняют льготы, как и семьи с одним ребенком. КПК поощряет внутреннюю миграцию, в том числе, призывая жителей Китая к участию в развитии экономики района. Одновременно с этим, поощряется переезд жителей Синьцзяна в другие регионы Китая. По мере роста популярности внутреннего туризма, все большее число граждан из восточных и центральных районов знакомится с культурой народов СУАР, что способствует росту понимания среди ханьцев процессов в автономном районе, культурному обмену и консолидации.

Национальная политика опирается на экономическую, социальную, культурную политику КПК и Госсовета КНР. Без этого не решить многие проблемы. Например, в последние 20 лет индекс занятости выпускников вузов из числа национальных меньшинств Синьцзяна составлял лишь около 20%¹. 1-е Центральное рабочее совещание ЦК КПК и Госсовета КНР по развитию СУАР наметило меры по увеличению бесплатных образовательных услуг в регионе. В целом, национальная политика КНР способствует ослаблению социальной напряженности в СУАР (тем самым и в таком сложном регионе, как ЦА), усиливает позиции Китая в системе международной безопасности. В государственной политике используются ресурсы СУАР и всех провинций

¹ Чэн Цзюнь. Синьцзян дан цзиан цз из син ши юй цзин хо дуй цэ (Анализ текущего положения в сфере занятости Синьцзяна и предложение будущих контрмер) // Синьцзян Цай цзин. 2008. № 1. С. 42.

КНР, что имеет стратегическое значение для профилактики конфликтов и развития унитарного многонационального государства.

В третьем параграфе второй главы *«Борьба с сепаратизмом, экстремизмом, терроризмом и противодействие «цветным» революциям»* проанализированы основные направления борьбы с вызовами, возникающими в связи с обострением социальных и национальных противоречий, стимулирующих недовольство и флуктуации. Наряду с активной социальной, экономической, национальной политикой для обеспечения национальной и международной безопасности укрепляются органы государственной безопасности, органы внутренних дел и другие силовые структуры. В условиях, когда ЦК КПК и Госсовет взяли курс на ускоренное развитие СУАР, такие методы включаются в комплекс мер борьбы с «тремя силами зла» (терроризм, религиозный экстремизм, сепаратизм), чтобы поддержать политическую стабильность в регионе.

«Силы зла» угрожают безопасности личности, общества и государства, дестабилизируют политическую ситуацию в регионе, создают угрозы энергетической безопасности, несут насилие, межэтнические и межконфессиональные конфликты, подрывают доверие иностранных инвесторов. Данные вызовы становятся трансграничными. Это иллюстрируется деятельностью террористических организаций и особенно движения ИГИЛ, в рядах которого воюют уйгурские боевики, экстремисты из ЦА и России. 10 июня 2015 г. в Москве на заседании руководителей подразделений министерств обороны государств-членов ШОС, отвечающих за международное военное взаимодействие, было отмечено, что обстановка заметно обостряется в связи с ростом угроз религиозного экстремизма, терроризма, наркоторговли, распространения оружия массового уничтожения, ракетных технологий, киберпреступности¹.

В диссертации характеризуется экономическая деятельность ШОС и ее политика безопасности, влияние последней на ситуацию в ЦА и КНР. ШОС, созданная во многом благодаря усилиям Китая и России, может стать платформой не только для поддержки региональной стратегии КНР в ЦА, но и для обеспечения региональной и национальной безопасности государств Евразии.

Автор анализирует рост угроз наркотрафика. Ввоз наркотиков из Афганистана за последнее десятилетие вырос в несколько раз. Наркотрафик идет через страны ЦА, захватывая и территорию СУАР; он уже серьезно угрожает обществу в России и КНР. Нестабильность, провоцируемая этническим сепаратизмом, религиозным экстремизмом, терроризмом,

¹ Russia Today. 10 июня 2015 г. URL: <http://russian.rt.com/article/96747> (дата обращения 10.06.2015).

распространением наркотиков, может вести к росту социального недовольства. В определенных условиях это может создавать благоприятную почву для развертывания в регионе сценариев «цветных» революций. Их опасность возрастает в силу обострения противостояния США и России, напряженности в отношениях КНР – США.

В диссертации также дается характеристика «мягкой силы» КНР, значение которой возрастает и в борьбе с «тремя силами зла», и в профилактике «цветных» революций, в том числе в СУАР.

Третья глава **«Участие Синьцзяна в международном сотрудничестве и региональная безопасность»** продолжает анализ значения СУАР в контексте международной безопасности, исходя из принятого автором системного подхода, предполагающего единство внутренних и внешних ресурсов укрепления безопасности. С учетом этого, рассматриваются место региона в развитии торгово-экономических связей Китая, стран ЦА и России, а также роль внешнеполитической деятельности КНР в политической стабилизации в СУАР и ЦА.

В первом параграфе третьей главы диссертации *«Место СУАР в сотрудничестве КНР, государств Центральной Азии и России»* при рассмотрении Синьцзяна как «звена», связывающего остальной Китай с народами ЦА и Россией, автор исходит из того, что такие связи имеют более чем тысячелетнюю историю. У народов Синьцзяна и ЦА накоплен многовековой опыт экономического и культурного сотрудничества, приграничной торговли. Синьцзян был районом экономического влияния России в конце XIX – начале XX вв. Железные дороги, построенные Россией в ЦА, а также созданные ею телеграф, банки, фабрики в Синьцзяне усиливали связи уйгуров с народами Российской империи. Ресурс опыта сотрудничества соединяется с геополитическими, природными, демографическими, культурными ресурсами, создавая серьезный потенциал преодоления депрессивности экономик субрегионов и государств. Несмотря на спад 2015 г., государства за счет кооперации накапливают ресурсы роста экономик (КНР, Индия, Россия, Казахстан). Высок потенциал роста приграничной торговли, развития экспортно-импортных транзитных коридоров.

Рассматривая СУАР в качестве «евразийского перекрестка», автор анализирует его роль в обеспечении энергетической безопасности КНР. Сравниваются маршруты поставок энергоносителей через СУАР с другими маршрутами. КНР экспортирует около 20% энергоносителей из государств Африки, около 50% из стран Ближнего Востока¹. Если учитывать нестабильность в ряде государств в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, а

¹ Фан Т. Энергетическая безопасность Китая и китайско-российское энергетическое сотрудничество в XXI в. // Ars administrandi. Искусство управления. 2011. № 1. С. 115.

также угрозы морских пиратов в районах Аденского залива и Малаккского проливов, необходима дальнейшая диверсификация. Транспортировка через ЦА и Алтай в СУАР становится наиболее спокойным и выгодным маршрутом для наращивания поставок энергоносителей. В свою очередь, это стабилизирует экономическую и социально-политическую ситуацию в ЦА и СУАР. К тому же, нельзя не учитывать усиление присутствия ВМФ США в Азии, контролирующего морские поставки энергоносителей через Индийский океан, заливы и проливы Ближнего Востока и ЮВА. При неблагоприятном изменении позиции США могут возникнуть новые вызовы энергетической безопасности КНР. Все это актуализирует проект северного маршрута «Экономического пояса Шелкового пути» через Казахстан, Россию, Белоруссию в Европу, важного для развития СУАР.

В параграфе проводится анализ геополитического положения государств ЦА, уровень их социально-экономического потенциала и характера отношений. Автор рассматривает балансы политических сил в ЦА, возможность руководства государствами контролировать развитие экономической и политической ситуации, степень социальной и межэтнической консолидации, деятельность религиозных организаций и степень их влияния на внешнюю и внутреннюю политику. С учетом этого дается оценка способности КНР влиять на положение в ЦА, а также сопоставимость моделей социально-экономического и политического развития государств региона с «китайской моделью» и внешнеполитическими установками КНР. Особое внимание уделено изучению сотрудничества с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистан, Индией, Пакистаном.

СУАР занимает центральное место в планах развития транснациональных магистралей. Лидеры КНР неоднократно отмечали, что приоритетное значение придают отношениям с Россией и государствами ЦА¹. Этому способствуют и решения 2-го Центрального рабочего совещания ЦК КПК и Госсовета КНР по развитию СУАР (2014), где поставлена цель обеспечения открытости региона по отношению к другим провинциям КНР и зарубежным странам. Из государств ЦА ключевым является торгово-экономическое взаимодействие КНР с Республикой Казахстан (далее – РК), с которой СУАР имеет наиболее протяженную государственную границу и значительный опыт экономического сотрудничества. Заключены договоры о механизме совместного финансирования крупных инвестиционных проектов на сумму более 5 млрд. долл., особенно развитии сети трубопроводов, участия Синьцзянского производственно-строительного корпуса в развитии РК, реализации модели трансграничной зоны экономического сотрудничества и развития.

¹ Син Гуанчэн. Чжунго хэ синь дули дэ Чжунъя гоцзя гуаньси (Отношения между Китаем и новыми независимыми странами Центральной Азии). Харбин, 1996. С. 95–96, 300.

Как важный ресурс сохранения стабильности в регионе рассмотрены отношения КНР – Россия. Анализ совпадения и расхождения интересов показывает определенный спектр общих интересов данных государств, что позволяет говорить о России как важном партнере в решении вопросов национальной и международной безопасности. В частности, значительное внимание уделяется строительству газопровода из России через Алтай в СУАР, железной дороги, связывающей Алтай и СУАР через территорию РК, другим проектам. Анализ таких интересов – основа определения наиболее перспективных направлений развития отношений КНР – Россия, соответствия такой политики национальным интересам, а также интересам СУАР, региона ЦА и международной безопасности.

Второй параграф третьей главы диссертации *«Роль внешнеполитической деятельности КНР в политической стабилизации в СУАР и Центральной Азии»* начинается с анализа политических изменений глобального уровня после распада СССР. Расстановка сил на международной арене приобрела новые конфигурации с появлением у западных границ КНР 5-ти независимых государств ЦА. В исследовании показано, как развивались двухсторонние отношения КНР с государствами ЦА, разрешались пограничные споры, изменялись стратегически важные аспекты ее внешней политики в регионе. Отмечено, что ЦА – это зона жизненных интересов КНР и России, от состояния которой во многом зависит политическая и экономическая безопасность СУАР и Китая, мирового сообщества в целом.

В параграфе выделены этапы развития отношений в регионе, с учетом влияния глобальных и региональных изменений и угроз безопасности. Первый этап начинался еще при СССР (1991–1995); он связан с переоценкой Китаем новых реалий в ЦА, установлением дипломатических отношений, формированием доверия, договорно-правовой базы, прежде всего, в контексте территориальных споров, унаследованных от противостояния КНР и СССР. В 1992 г. подписан Договор о коллективной безопасности (ДКБ). На этот период пришлись гражданская война в Таджикистане, острое противостояние власти и оппозиции в Узбекистане. Второй этап (1995–2001) характеризуется формированием в ЦА механизмов регионального сотрудничества и решения споров. Расширялось китайское экономическое влияние. В 1997 г. закончилась гражданская война в Таджикистане. В то же время продолжили свои действия исламские движения в Узбекистане (Хизбут-Тахрир, Исламское движение Узбекистана). В феврале 1999 г. были организованы террористические акты.

Третий этап начался в 2001 г. и закончился в 2011 г. Террористические акты в США, России, КНР и других странах обострили политическую ситуацию в мире, оказали существенное влияние на обстановку в ЦА. В декабре 2001 г. Совет Безопасности ООН одобрил начало военной операции

Международных сил содействия безопасности в Афганистане под эгидой США. В 2001 г. учреждена ШОС, включившая наряду с КНР и Россией сначала 3, затем 4 государства ЦА. В 2002 г. ДКБ преобразован в ОДКБ. США и союзники по коалиции начали войну в Ираке в 2003 г. Произошла насильственная смена власти в Киргизии в 2005 г., серия взрывов и нападений на полицейские участки (2004) и волнения (2005) – в Узбекистане, а также жестокий межэтнический конфликт в СУАР (2009). В 2011 г. разразилась череда революций, перешедших в Ливии и Сирии в гражданские войны; их влияние отразилось в СУАР и ЦА.

На четвертом этапе (2011–настоящее время) в ЦА, с одной стороны, возросли роль КНР и России и международно-политический вес ШОС, с другой стороны, несколько снизилась активность США. На ситуацию в регионе влияло некоторое охлаждение отношений США – КНР, углубление интеграции в рамках ЕвразЭС, затем ЕАЭС, с участием, в том числе, двух государств ЦА, граничащих с СУАР. После событий на Украине в 2014 г. последовало ужесточение позиции США по отношению к России, что активизировало ее восточную политику. Определенное влияние оказало обострение отношений России с ЕС по мере реализации планов Восточного партнерства. Знаменательна координация действий России и КНР в отношении Сирии и угроз распространения ИГИЛ, опасных для Северного Кавказа, СУАР, ЦА и мира в целом.

Анализируя основные этапы политической стабилизации в регионе, автор значительное внимание уделил разрешению территориальных споров с Россией и государствами ЦА после распада СССР. Большую роль сыграло признание Правительством КНР независимости новых государств и установление с ними дипломатических отношений. Постепенно КНР стала крупным игроком в этом регионе, оказывающим огромное политическое, экономическое и культурное значение. КНР создала несколько Институтов имени Конфуция в государствах, входящих в ШОС, а также в Туркменистане. СУАР принимает активное участие в этом процессе. В 2010 г. в Урумчи (СУАР) открылась база государственной категории по распространению китайского языка в ЦА.

Расширение интеграционных процессов, особенно, развитие ШОС, а также проекты нового Шелкового пути, рассмотрены автором как платформа поддержки региональной стратегии КНР в ЦА, в том числе, разрешения конфликтов и обеспечения безопасности в СУАР. Кроме того, ШОС в условиях, когда КНР усиливает свои позиции на международной арене, становится «площадкой» для приобретения политического опыта, необходимого ведущей мировой державе. Для СУАР и Китая в целом создание ШОС помогло дать ответы на новые вызовы международной и национальной безопасности, с которыми сталкивается руководство КНР, преследовавшее

цели предотвратить, прежде всего, такие угрозы, как терроризм и наркотрафик, контролировать влияние на регион, оказываемое, так или иначе, внешними и внутренними силами (государствами, НКО, нелегальными движениями).

Симптоматично, что учения, проводимые ШОС, чаще всего проходили на территории СУАР или близи границ СУАР со странами ЦА. Например, октябрь 2002 г. – двухсторонние учения на границе КНР и Киргизии; август 2003 г. – совместные учения на границе КНР и РК; август 2006 г. – антитеррористические учения в Алматы (РК) и Ичине (СУАР); сентябрь 2006 г. – антитеррористические учения на границе Таджикистана и КНР; сентябрь 2010 г. – военные учения в Жамбыле в РК, недалеко от границы с СУАР; май 2011 г. – совместные военные маневры в Кашгаре (СУАР); июнь 2012 г. – военные учения в Таджикистане и т.д. Возрастала интенсивность и частота двухсторонних и многосторонних учений государств региона. Возникают возможности повышения эффективных взаимодействий государств региона путем координации действий ОДКБ и ШОС по борьбе с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом, наркотрафиком.

ШОС дает возможность выстраивать балансы, способствующие кооперации позитивной деятельности разных политических акторов в регионе. Интерес к СУАР и ЦА проявляют многие государства, в том числе, Монголия, Индия, Иран, Турция, Япония, Корея, США. Япония разработала стратегию евразийской дипломатии в форме «Диалог Центральная Азия плюс Япония». Ранее для ЦА предлагались проекты МИД Японии (в частности Т. Асано) «Дуга свободы и процветания» (2006), «Евразийский перекресток» (2009)¹. Подобные программы развивает Республика Корея. В США готовилась концепция «Большой Центральной Азии», в немалой степени связанная с СУАР. Выдвигались концепции нового Шелкового пути без участия России и даже в обход Китая. Вся эта борьба вокруг региона показывает, что ШОС необходима как организация, способная координировать проект «Экономического пояса Шелкового пути».

В *Заключении диссертации* сформулированы основные выводы, вытекающие из содержания диссертационного исследования:

– «ответственной державе» требуется применение не столько силовых, сколько социально-экономических, правовых (институциональных), управленческих средств, ресурсов «мягкой силы» в разных проявлениях («мягкая сила» политики, опирающаяся на культуру, образование, искусство, туризм);

– стратегия «ответственной державы» включает координацию усилий ряда государств для обеспечения региональной и глобальной безопасности; оказания

¹ Добринская О.И. О чем ведется диалог «Центральная Азия плюс Япония» // Промышленный вестник. 2013. 28 мая.

экономической помощи соседям, создания двусторонних и многосторонних экономических и культурных партнерств;

- благополучное развитие «евразийского перекрестка» (СУАР) также требует от КНР активного позиционирования в последовательном отстаивании национальных интересов;

- «ответственной державе» предстоит вместе с другими государствами поддерживать баланс сил и угроз в Евразии, включая ЦА, Северо-Восточную Азию и ЮВА; успешное развитие СУАР – важное звено в таких балансах;

- в обеспечение таких балансов важную роль играет реализация северного маршрута «Экономического пояса Шелкового пути», в том числе, с использованием структур ШОС и ЕАЭС;

Все это способствует усилению роли СУАР, росту его стратегического значения в обеспечении политической стабильности региона, повышению международного авторитета КНР и соседних государств.

III. СПИСОК РАБОТ АВТОРА, ОПУБЛИКОВАННЫХ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Публикации в периодических научных изданиях, рекомендуемых ВАК:

1. Яо Ван. Принцип вариативности в формировании и реализации государственной политики // Самоуправление. – 2015. – № 5. – С. 6–7.
2. Яо Ван. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая: территориальное самоуправление и национальная политика / Яо Ван, Капицын В.М. // *Ars administrandi*. Искусство управления. – 2013. – № 3. – С. 107–117 (в соавторстве).
3. Яо Ван. В поисках точки равновесия между континентом и океаном: анализ стратегического положения Китая // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 4. – С. 743–746.
4. Яо Ван. Территориальная автономия как институт национальной политики в Синьцзяне / Яо Ван, Капицын В.М. // ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика. – 2013. – № 5. – С. 92–99 (в соавторстве).
5. Яо Ван. Территориальное управление и самоуправление в Китае / Яо Ван, Капицын В.М. // Самоуправление. – 2013. – № 4. – С. 42–45 (в соавторстве).
6. Яо Ван. Образование как инструмент формирования национальной идентичности малых народов КНР // Вест. Московского ун-та. Серия 20. Педагогическое образование. – 2012. № 3. – С. 98–103.

Другие публикации автора:

7. Яо Ван. Новая политика Синьцзян-Уйгурского автономного округа КНР: ее особенности и вызовы // Общество. Государство. Политика. – 2011. – № 2. – С. 98–103.
8. Яо Ван. Геополитические аспекты континентальной и приморской китайской культуры // История и современность. – 2011, сентябрь. – № 2. – С. 86–92.
9. Яо Ван. Предпосылки создания стратегических партнерских отношений между КНР и странами Центральной Азии // Общество. Государство. Политика. – 2010. – № 3. – С. 79–96.
10. Яо Ван. Геополитическое толкование термина «Центральная Азия» в российской и зарубежной историографии // Общество. Государство. Политика. – 2010. – № 4. – С. 95–103.